

БУДДИЙСКИЕ МОТИВЫ В ПОЭЗИИ ЕГОРА ЛЕТОВА И АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ СЕРГЕЯ ЛЕТОВА: ВАРИАНТЫ ПРОРЫВА В ОБЛАСТЬ ПОДЛИННОЙ СВОБОДЫ

Л. В. Дубаков

*Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне,
Китайская Народная Республика*

Поступила в редакцию 16 мая 2024 г.

Аннотация: целью статьи является анализ буддийских мотивов, присутствующих в поэзии Егора Летова и в автобиографической прозе Сергея Летова. Предлагаются различные интерпретации летовского верлибра «Будда» — в аспекте состоявшейся и не состоявшейся буддийской духовной реализации героя, а также с точки зрения его духовной чистоты. Указанное стихотворение рассматривается само по себе и в контексте поэтического сборника «Ро!!!», в отдельных произведениях которого тоже можно обнаружить буддийские идеи и образы. Фиксируется, что в начале книги «Кандидат в Будды» Сергей Летов обращается к буддизму как к декоративному экзотическому элементу, в финале же буддизм видится ему тем, что оказывается способно противостоять современному глобализации, конsumerизму и вульгарности. Теоретико-методологическая база работы основывается на исследованиях В. Н. Топорова (о «петербургском тексте»), П. В. Алексева (о «мусульманском тексте»), Р. Ф. Бекметова (о буддийских и даосских мотивах в русской литературе XIX века). Структурно-семиотический подход, примененный Топоровым к городской сфере в художественном тексте, проецируется в религиозную сферу и дает возможность осмыслить специфику и функции буддийских идей и образов в конкретных литературных произведениях. Актуальность статьи обусловлена высоким интересом российского литературоведения в изучении вопросов, касающихся проблематики и поэтики русской рок-музыки и рок-поэзии. Новизна статьи определяется отсутствием научных работ, посвященных вопросу о буддийских мотивах в произведениях братьев Летовых.

Ключевые слова: русский рок, рок-поэзия, буддизм, поливариантная интерпретация, нон-фикшн.

Abstract: the purpose of the article is to analyze Buddhist motifs present in the poetry of Egor Letov and in the autobiographical prose of Sergey Letov. Various interpretations of the Letov's verlibre "Buddha" are offered — in the aspect of the Buddhist spiritual realization of the hero that took place and did not take place, as well as from the point of view of his spiritual purity. This poem is considered by itself and in the context of the poetry collection "Ro!!!", in some works of which one can also find Buddhist ideas and images. It is recorded that at the beginning of the book "Candidate for Buddha" Sergey Letov refers to Buddhism as a decorative exotic element, in the final, Buddhism is seen by him as being able to resist modern globalization, consumerism and vulgarity. The theoretical and methodological basis of the work is based on the research of V. Toporov (on the "Petersburg text"), P. Alekseev (on the "Muslim text"), R. Bekmetov (on Buddhist and Taoist motifs in Russian literature of the XIX century). The structural-semiotic approach applied by Toporov to the urban sphere in the literary text is projected into the religious sphere and makes it possible to comprehend the specifics and functions of Buddhist ideas and images in specific literary works. The relevance of the article is due to the high interest of Russian literary studies in the study of issues related to the problems and poetics of Russian rock music and rock poetry. The novelty of the article is determined by the lack of scientific papers devoted to the issue of Buddhist motifs in the works of the Letov brothers.

Keywords: Russian rock, rock poetry, Buddhism, multivariate interpretation, non-fiction.

Егор Летов, прежде всего, человек христианского мировоззрения, с оговоркой о поиске им своего, надформального пути. Но при этом в его поэзии, помимо собственной разветвленной системы образов и смыслов, присутствуют многочисленные отсылки к различным философским, религиозным, культур-

ным, литературным явлениям и текстам [1]. Если говорить о буддизме, то ряд его стихотворений/песен может быть прочитан сквозь буддийскую оптику. Например, в песне «Снаружи всех измерений» можно при желании и настойчивости увидеть некоторый намек на трансцендентное настроение дальневосточного буддизма. В песне «Зерно на мельницу» — аллюзию на нью-эйджевскую книгу Рама Дасса. И т.д.

В настоящей статье, однако, анализу подвергается текст, в котором наличие буддийских мотивов несомненно. Это летовский верлибр «Будда» (26.9.1984).

Я упал с высокого дерева
И вот теперь
Весь полонанный
Валяюсь на травке
Смеюсь [2, 5]

Анализ производится с опорой на положения книги В. Н. Топорова о «петербургском тексте» русской литературы [3] и исходящих из нее исследований, заимствующих у Топорова структурно-семиотический подход и применяющих его к религиозной сфере. В этой связи прежде всего нужно назвать работу Р. Ф. Бекметова, что проанализировал «буддийский текст» как часть ориентального дискурса в истории русской литературы XIX века [4], и П. В. Алексева, который описал «мусульманский текст» русской литературы в поэтике романтизма 1820–1830-х годов [5].

Стихотворение Егора Летова «Будда» можно интерпретировать по-разному, в зависимости от восприятия заглавного образа. Во-первых, будду этого верлибра, похожего на японскую танка, можно воспринять как Просветленного, что достигает Пробуждения под священным деревом Бодхи [6, 339]. Его падение — как низвержение «я», то есть человеческого эго — источника заблуждения и страданий: «Я упал». Или как нисхождение в земной мир с небес для помощи страдающим существам. Наречие «теперь» указывает на пребывание одержавшего победу над собой в настоящем. Согласно буддийским представлениям, прошлое и будущее, в которые, как правило, обращено сознание обычных людей, конвенциональны, так как одного еще нет, а другого уже нет [7, 171]. Глагольная форма настоящего времени также закрепляет момент существования Просветленного в состоянии здесь-и-сейчас. Ср. с рильковским «Буддой во славе»: «Doch in dir ist schon begonnen, / was die Sonnen übersteht» [8, 217]. Будде открыта вечность, он сможет пережить солнца. Смех как знак мудрости того, кто оказался за пределами обыденности. Ср. с рильковским «Буддой»: «Und er ist Stern. Und andre große Sterne, / die wir nicht sehen, stehen um ihn her», «Er, der vergißt was wir erfahren / und der erfährt was uns verweist» [8, 29]. Просветленный видит то, что недоступно простым людям.

Во-вторых, будда здесь может быть понят как попытка, как идеал, к которому стремился герой стихотворения. Его падение в таком случае — это следствие неудачи на духовном пути к вершине. В результате он оказывается духовно сломлен, а его смех — это выражение отчаяния. В интервью 1993 года газете «Лимонка» Егор Летов сказал следующее: «Я понял, что сам отход от реальности можно уподобить одному из путей реализации в буддизме. Там есть путь

личного спасения и есть путь спасения коллективного. <...> ...путь личного спасения ведет не просто в тупик, он ведет в места гораздо более страшные. Это я знаю как человек, испытавший этот путь. Это — путь одиночества. <...> ...это — не мой путь» [9].

В рукописном сборнике «Ро!!!», который позволяет осмыслить первоначальный контекст, стихотворение «Будда» окружено верлибрами, тема которых — преодоление наличной реальности и катастрофа на пути. Об этом стихотворения «Речи замедляются...», «Посмотрел в дырку», «Маленький мальчик...», «Вороны», «Небо цвета мяса...», «Вся могила...», «Холод», «Мимикрия». Важно также, что вектор движения в каждом этих верлибров — сверху вниз, с неба на землю. Герой «Речи замедляются...» играет в самолетики под кроватью. Герой «Воронов» бежит придавленный сумраком и преследуемый птицами. В стихотворении «Небо цвета мяса...» герой спотыкается о мыш, и небо и земля для него меняются местами. И т.д. То же — в «Будде», где герой падает с дерева на травку.

В целом в сборнике «Ро!!!» много внутренних перекличек между текстами (их герой в поиске истинной реальности и настоящего себя среди холодного мертвого мира), а сами они провоцируют на прочтение в контексте восточной философии. В стихотворении «Сажу у забытой дороги...» герой сидит у дороги и наблюдает женщин, которых он воспринимает как часть майи — иллюзии в индуизме и буддизме. Подлинное состояние реальности героем забыто («забытая дорога»), потому что он привязался к земному бытию («Приземленные женщины / Такие земные»). Последний глагол — «не оторваться» [2, 3] — можно понять и как знак притяжения к майе и как констатацию отсутствия радости. В стихотворении «Глубокий старик» герой выходит на балкон, чтобы выпустить голубей, но ни клетки, ни голубей нет. Как и «Будду», смысл этого текста можно истолковать по-разному — и как безумие старого человека, которому всё мнится, и как попытку самоубийства (старик собирается «выпустить голубей / из бесчисленной клетки»: если у Летова здесь не перестановка прилагательного с «голубей» на «клетку», то речь может идти и о клетках человеческого тела и о насильственном освобождении души), и — по буддийски — как фиксацию на пустотности реальности: клетки, голубей, как и самого старика, балкона и всего остального не существует в абсолютном смысле. Вообще в текстах «Ро!» множество образов пустотности и одновременно парадоксов в стиле дзэнских коанов: в белом лесу никого нет («Мимикрия»), мальчик играет на флейте отрубленными руками («Геноцид»). Стихотворение «По комнате летала пустота...» видится как поэтический парафраз идей «Сутры Сердца»: «Форма — пуста, Пустота — формна, Пустота есть не что иное, как форма, а также форма есть не что иное, как Пустота» [10, 9]:

По комнате летала пустота
В виде бабочки
Она была не черная и не белая
Просто пустая
Но в форме бабочки [2, 9].

Стихотворение «Когда я рухнул...» (5.06.1985) подкрепляет версию про неудачу, которую пережил герой написанного несколькими месяцами раньше «Будды»:

Когда я рухнул
С разломанной головой
Красный стон
Поднялся со дна
Моего одиночества

У этих верлибров схожий сюжет — падение: «упал» — «рухнул», — схожи характеристики последствий падения: «весь поломанный» — «с разломанной головой», — схожа сильная финальная эмоция: смех — стон. Возвращаясь к интервью Летова 1993 года, в котором появляется мысль о тупиковости личного пути, можно обратить внимание на повторенный здесь мотив одиночества: «со дна <...> одиночества» [курсив наш. — Л. Д.], как и на повторенный акцент на эго: «я» и «моего» [2, 7].

В-третьих, возвращаясь к стихотворению «Будда», не исключен вариант комического истолкования заглавного образа. Будда здесь как ироническое обозначение человека, пробующего расширить границы сознания и ставшего неадекватным (ср. с фразеологизмом «с дуба рухнуть»). В этом контексте слово «травка» прочитывается как жаргонное название наркотика, а причастие «поломанный» оказывается созвучно жаргонному обозначению абстинентного синдрома. Смех в финале стихотворения — результат опьянения. С другой стороны, по мнению Н. М. Лётина, у Летова «декларативное употребление наркотиков — это своеобразная форма протеста, противопоставления» [11, 203], а тот, кто их употребляет, есть психонавт, некий мистик-исследователь.

Также несколько слов в представленной статье стоит сказать о буддийских мотивах в творчестве брата Егора Летова – Сергея, имея в виду их многообразные культурные и биографические связи.

Сергеем Летоным написана автобиографическая книга «Кандидат в Будды», название которой, по словам автора, «журналистское», направленное на привлечение внимания, и сам он предпочитает, чтобы слово «будда» читалось здесь с маленькой буквы, и говорит, что в любом случае правильнее было бы использовать слово «бодхисаттва» [12]. С. Летов не объясняет свою мысль, но с точки зрения буддийской догматики, даже несмотря на то, что название шуточное, а С. Летов считает себя агностиком, он прав, ведь будда — это человек высочайшей свя-

тости, достигший нирваны, то есть освобождения, а бодхисаттва — в одном из значений — тот, кто взял на себя обет помогать другим существам идти к освобождению. Наконец, быть «кандидатом в бодхисаттвы» — звучит скромнее даже в шутку.

Название «Кандидат в Будды» восходит к журнальной мистификации П. Капкина середины 1990-х годов, в которой тот сочинил альтернативную экзотическую биографию С. Летова. Согласно ей, Летова собирались ребенком продать в тибетский монастырь: «Тогдашний Далай-лама приказал найти голубоглазого светловолосого кудрявого мальчика, кандидата в Будды» [13, 56]. Летова, вначале возмущившийся журналистской вольностью, постепенно принял ее как курьез, в котором может быть какая-то часть внутренней правды.

В книге «Кандидат в Будды» он оставляет полусерьезные намеки на буддийский шлейф своей судьбы. Книга начинается с «Пространного предведомления», в котором Летов говорит о «цепочке передачи» при изложении предания, то есть о тех людях и обстоятельствах, с которыми предание связано. Имеется в виду буддийская «линия передачи» (тиб. нуан brgyud) учения от учителя к ученику [6, 484]. Как иронически пишет критик М. Лобанов, это ему «необходимо для того, чтобы вычистить некие кармические пятна» [14]. В главе «Начало» Летов говорит, что родился на Востоке, и в общем контексте восточная часть СССР (г. Семипалатинск) обращается у него не советской Азией. В главе «Начало на бис» об одном из своих учителей он говорит как о гуру, рассказы о приключениях которого напоминали «джатаки о перевоплощениях Будды» [15, 25].

Но декоративная экзотическая окантовка в книге превращается в серьезное сопоставление буддизма с современной культурой потребления. В главе «Бодхи и body», описывая фестиваль живой музыки и веры, проводившийся на развалинах древнего монастыря Устуу-Хурээ, Летов обращает внимание, что прорыв к «Сверхсмыслу», искренность лам и верующих, отсутствие украшательства и сентиментальности, которые он увидел в Туве, представляют иной образ буддизма и Будды, чем те, что «всуде и не к месту поминают отечественные поп-рок-певцы» [15, 145]. Контраст двух мировоззрений заложен уже в названии главы: созвучные слова полностью противоположны по смыслу — дух и тело. Кроме того, С. Летова обозначает в названии противостояние восточной, самоценной, и западной, глобалистской, культур.

Название этой главы прочитывается и иначе — через субъективное, личное видение С. Летова. Вспоминая о тувинском «sweet sacrifice», когда портрету ЕСДЛ XIV подносили торты, а потом разносили их куски всем участникам церемонии, и как в Гонконге монахи предлагали разделить свою пищу с паломниками, поднявшимися на гору к статуе Будды, он фиксирует, что буддизм не отрицает «телесный

низ», а напротив — встраивает его в иерархию ценностей на положенное ему место. Буддийская взвешенность и умение найти гармонию особенно привлекает автора книги в буддизме: «Для меня важно находиться в равновесии со средой, в этом есть кое-что от буддизма...» [12]; «...с точки зрения китайского буддизма, суть учения передают не отвлеченные нравоучения и заповеди, а еда» [16]. О телесном низе и разбалансировках, с ним связанных, он будет говорить (выговариваться) в финале «Кандидата в Будды» в главах «Любовь и метеоризм» и «Вечно Женственное и медикаменты».

У братьев Летовых — разные судьбы, но безусловно они друг на друга в той или иной степени оказывали влияние, они не раз пересекались в зрелые годы, имели общие проекты в сфере культурного андеграунда 1980-х — нулевых годов настоящего века. Каждый из них — это отдельный, большой, сложный художественный мир. Но в разнообразии их культурного творчества нашлось место и для буддизма. Сложно оценивать глубину проникновения в буддизм у Егора и Сергея Летова, но факт творческого соприкосновения с буддизмом у обоих несомненен.

Стихотворение Е. Летова «Будда», несмотря на краткость, представляет собой текст, предоставляющий возможность множественного и даже полярного истолкования с точки зрения духовной реализации или не реализации, а также с точки зрения чистоты или нечистоты той духовной единицы, о которой в нем говорится. Также можно сказать, что противоположные смыслы, открывающиеся в этом стихотворении, присутствуют в нем одновременно и обусловлены стремлением поэта к «тотальному синтезу предельных крайностей» [17, 157]. «Будда», впервые опубликованный Летовым в рукописном сборнике «Ро!!!», имеет параллели к другим его стихотворениям, которые позволяют прояснить отдельные его мотивы и смысл в целом.

В автобиографической книге С. Летова «Кандидат в Будды», стиль которой «лаконичен, иногда предельно скуп» [18], хотя и напоминает джазовую импровизацию [19], фикциональная составляющая, как кажется, сконцентрирована во многом именно на буддизме. В начале книги буддизм выполняет по большей части декоративную функцию, но ближе к концу оказывается смысловым, поведенческим, эстетическим противовесом миру пошлости, конsumerизма и глобализации [20]. Мистификация, сочиненная журналистом, спустя два десятилетия была принята и переосвоена С. Летовым, который увидел в буддизме намек на решение своих внутренних проблем.

Итак, братья Летовы актуализируют разные аспекты буддизма. Можно сказать, что Егор Летов видит в буддизме один из вариантов прорыва к экзистенции «как осмысленному существованию здесь и сейчас, обращенному к подлинному бытию в горизонте ясного осознания смерти» [21, 5], Сер-

гей Летов — один из вариантов экзистенциального «противостояния» [21, 10] фальшивой, грубой, омертвляющей реальности современного мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дугин А. Г. Работа в черном / А. Г. Дугин. — Режим доступа: <https://www.gr-oborona.ru/pub/pub/1056115072.html> (дата обращения: 07.01.2024).
2. Дохлый Егор. «Ро!!!» (Коротенькие Гениалища). — 1983–1986. Избранное / Сост. Дохлый Егор и Серега Сергеев. Омск: Издательство ГрОб, 1986; М.: Выргород, 2019. — 15 с.
3. Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Издательская группа «Прогресс» — «Культура», 1995. — С. 259–367.
4. Бекметов Р. Ф. Русская литература и буддийско-даосский Восток (проблемы диалога) / Р. Ф. Бекметов. Казань: Общество с ограниченной ответственностью «Редакционно-издательский центр “Школа”», 2018. — 328 с.
5. Алексеев П. В. Мусульманский Восток в литературе русского романтизма 1820–1830-х годов: монография / [П. В. Алексеев]; М-во образования и науки РФ, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования «Горно-Алтайский гос. ун-т». Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. ун-т, 2014. — 186 с.
6. Неаполитанский С. М. Энциклопедия буддизма / С. М. Неаполитанский, С. А. Матвеев. — СПб.: Институт метафизики, 2007. — 928 с.
7. Федотов А. В. Категории пространства и времени в буддизме Ваджраяны и Учении Живой Этики (опыт сопоставления) / А. В. Федотов // Живая этика и наука. — 2013. — № 2. — С. 163–177.
8. Рильке Р. М. Новые стихотворения / Р. М. Рильке. — М.: Наука, 1977. — 544 с.
9. Егор Летов: именно так все и было. Творческо-политическая автобиография // Лимонка. — 1993. — № 2, 3. — Режим доступа: <https://www.gr-oborona.ru/pub/anarhi/1056980189.html> (дата обращения: 07.01.2024).
10. Сутра Сердца Победоносной Матери, Ушедшей-За-Пределы Совершенства Мудрости [bcom ldan 'das ma shes rab kyī pha rol tu ruiṅ pa'i snying bo]: текст и комментарий на основе устных наставлений Геше Джампа Тинлэя / Пер. с тиб. и сост. комментариев И. С. Урбанаева; Отв. ред. С. Ю. Лепехов; Рец. Ч. О. Адыгбай, С. П. Нестеркин, О. В. Доржигушаева. — Улан-Удэ: РИО Буддийской Общины «Зеленая Тара», 2006. — 184 с.
11. Лётин Н. Ю. Мифопоэтический контекст поэзии Егора Летова / Н. Ю. Лётин // Русская рок-поэзия: текст и контекст 2011. — № 12. С. — 195–204.
12. Сергей Летов: «Могу ли я еще раз переступить через себя? Могу» // Интервью А. Бессмысленного с С. Летовым // Сайт «Sadwave». 16 декабря 2014. — Режим доступа: <https://sadwave.com/2014/12/sergey-letov/> (дата обращения: 07.01.2024).
13. Капкин П. Кандидат в Будды / П. Капкин // Сельская молодежь. — Ноябрь-декабрь 1995 г. — С. 56.

14. Лобанов М. Сергей Летов. «Кандидат в Будды» / М. Лобанов // Сайт «Reproduktor». 6 октября 2014. — Режим доступа: <https://reproduktor.net/2014/10/sergej-letov-kandidat-v-buddy/> (дата обращения: 07.01.2024).

15. Летов С. Кандидат в Будды / С. Летов. — М.: Амфора, 2014. — 288 с.

16. Сергей Летов. Самое лучшее время // Интервью Д. Бессонова с С. Летовым // Сайт «Станок — некоммерческое издание о России и Туле». — 15 января 2018. — Режим доступа: <https://stanok.space/russia/2018/01/15/sergei-letov> (дата обращения: 07.01.2024).

17. Доманский Ю. В. Формульная поэтика Егора Летова: Монография Ю. В. Доманский. — М.; Калуга; Венеция: Bull Terrier Records, 2018. — 160 с.

18. Авакова Ю. Книга Сергея Летова: идеалистиче-

ское и отрезвляющее лекарство / Ю. Авакова // Российская газета. — 17 февраля 2015. — Режим доступа: <https://rg.ru/2015/02/17/sfl-site.html> (дата обращения: 07.01.2024).

19. Певчев А. Сергей Летов в режиме джазовой импровизации // Известия. 10 декабря 2014. — Режим доступа: <https://iz.ru/news/580554> (дата обращения: 07.04.2023).

20. Визель М. Вышли две книги о независимой музыке 90-х / М. Визель // Ведомости. 10 декабря 2014. — Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/lifestyle/articles/2014/12/10/zvuki-iz-pustoty> (дата обращения: 07.01.2024).

21. Смирникова Е. В. Экзистенциальные основания отечественного рок-андеграунда 1980-х годов: автореферат дис. ... канд. искусствоведения / Смирникова Е. В. — Саратов, 2013. — 25 с.

Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Китайская Народная Республика

Дубаков Л. В., кандидат филологических наук, доцент филологического факультета

E-mail: dubakov_leonid@mail.ru

Shenzhen MSU-BIT University, Shenzhen, PRC

Dubakov L. Vi., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Faculty of Philology

E-mail: dubakov_leonid@mail.ru